

Вилен Визильтер

ТЕЛЕ- ВИДЕ- НИЕ

закадровые
нескладушки

ГРИФОН
М

Вилен С. Визильтер

Телевидение.

Закадровые нескладушки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12108399
Вилен Визильтер. Телевидение: Грифон; Москва; 2008
ISBN 978-5-98862-041-9*

Аннотация

Книга режиссера и сценариста Вилена Визильтера стала одной из лучших отечественных легенд о телевидении и кинодокументалистике, она начисто лишена амбициозности и претензий, зато полна живой историей нашего ТВ, которую вместе с телевидением прожил автор. Но знаменитый режиссер относится к себе совсем несерьезно. Веселый ветеран ТВ пишет не о трудностях творчества, а о том, что не вошло в кадр, это обычно оказывается посмешнее, да и со смыслом. Такие книги способны много дать читателю, ими питается будущее культуры России. Наше собственное понимание жизни. А телевидение для многих миллионов россиян практически и есть жизнь.

Содержание

От редактора	7
От автора	9
Тунеядцев вон из страны!	11
Борцы за справедливость	13
Христоносцы	15
Шуткам не учат в наших лагерях	22
Прогноз погоды	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Вилен Визильтер

Телевидение.

Закадровые нескладушки

© Грифон, 2008

© В. С. Визильтер, текст, 2008

© В. С. Голубев, оформление, 2008

От редактора

Нечасто редактор становится первым читателем первой книги автора, притом что редактор в наследники автору годится. Более того, практически никогда не бывает так, чтобы, увидев этот первый труд уже достаточно подрощенного автора, прожженный и изверившийся во всем редактор воскликнул бы так: «О!» Как правило, редакторы при прочтении рукописей по диагонали или по синусоиде издают другие различные звуки. А тут особый случай тонкого понимания жизни, опыт которого просто нельзя упустить. Представляется, для нашего читателя эта книга – бесценная находка, то слово, ради которого изводятся порой миллионы тонн руды, вспомним классика... Вообще-то авторы чаще всего успевают проматывать в литературных компаниях свои не изданные еще книги, и те бледнеют, хужеют, как девушки на трассе. Ведь каждый встречный друг-приятель подскажет некое как бы ценное замечание. А тут мы видим великолепную, внутренне целомудренную прозу о жизни, пронзившей историю ТЕЛЕВИДЕНИЯ.

Книга режиссера и сценариста Вилена Визильтера является одной из лучших отечественных легенд о телевидении и кинодокументалистике потому, возможно, что в ней не затрагиваются так называемые «организационные вопросы». А так – нескладушки да побасенки. Но из побасенок-то этих

и растет наша природная культура, которой только и может питаться будущее России. Наше собственное понимание жизни. А телевидение для многих миллионов россиян – практически и есть жизнь. Вот какие дела-то.

*Роберт Оганян,
шеф-редактор*

От автора

Когда меня спрашивают, что же такое телевидение, я, почти полстолетия пребывающий в «этом прекрасном и яростном мире», отвечаю, что это «и смех, и слезы, и любовь». Но слезы быстро испаряются, а смех, вернее – улыбка, – остается. Эти заметки – заварка из сбора трав памяти, 45-летнего сбора забавных происшествий в моей телевизионной истории. Ведь подумать только, я начинал, когда еще не было видеозаписи, все телевидение было прямоэфирным и черно-белым, а завершаю накануне цифрового. Прямо мастодонт какой-то.

На Востоке считают, что существует три взгляда на мир. Взгляд с высоты роста суслика, взгляд с вершины кургана и взгляд с птичьего полета. Так вот, предлагаемые записки – взгляд с высоты своего собственного окопа, скажем так, представителя младшего комсостава телевизионного фронта, и взгляд не со стороны, а изнутри рядового участника полувековой истории советского и российского телевидения. И что любопытно, прошло полвека. Времена изменились, а нравы – те же. Вот такой парадокс истории.

Кажется, Вольтеру принадлежит мысль, что «человечество, смеясь, расстается со своим прошлым». Не знаю, как там все прогрессивное человечество, но лично мне импонирует эта сентенция Вольтера.

Я долго думал, как назвать все это, пока не пришел к «закадровым нескладушкам». Хотя, наверное, я все-таки сформулировал. Проницательный читатель найдет здесь и смех сквозь слезы, и горечь неразделенной любви. Ведь «время-то для веселия было не очень оборудовано». Впрочем, когда оно оборудовано? Наверное, никогда. Но выжили мы все-таки благодаря чувству юмора, которое, впрочем, не спасло нас от уничтожения в новые времена. Но это уже другая история.

А пока – вот они перед вами, непричесанные «закадровые нескладушки».

Тунеядцев вон из страны!

Было это в самом что ни на есть начале шестидесятых годов прошлого столетия – самый разгар очередной кампании борьбы с тунеядцами. Со стилистами уже отборолись. А вот с тунеядцами только начинали. В Ленинграде разгорался шумный процесс над главным тунеядцем страны, по-этом Иосифом Бродским, впоследствии – нобелевским лауреатом. В тот год я делал свои первые шаги в журналистике, в республиканской молодежной газете Северной Осетии. Наша газета тоже не стояла в стороне от очередного всесоюзного движения. Мы посвятили этой теме целый разворот под общей шапкой: «Тунеядцев – вон из страны!» Воинственный лозунг был набран крупным шрифтом – на обе полосы. День был какой-то суетный и бестолковый. Засиделись за полночь. А в полночь приходит телетайп о визите Генерального секретаря ЦК КПСС Хрущева и Председателя Совета Министров СССР Булганина в Индию и Пакистан. Ответственный секретарь газеты Ира Гуржибекова, ныне народная поэтесса Северной Осетии, уже в полной заморочке, просто автоматически снимает какой-то ерундовый антитунеядский материал в сто строк и вместо него ставит срочно в номер тассовскую информацию. На следующее утро выходит газета с огромной шапкой на развороте: «Тунеядцев – вон из страны!» А под ней прямо по центру: «Визит Булганина и Хру-

щева в Индию и Пакистан» Что было дальше, людям моего поколения нетрудно себе представить.

Борцы за справедливость

Эту историю рассказал нам Игорь Дзахов, поэт и журналист, сотрудник молодежной северо-осетинской газеты, где я делал первые шаги на журналистском поприще. История бытовая, но как я думаю сейчас, спустя почти полвека, в ней заключена сермяжная правда нашей расейской действительности.

Поздним вечером Игорь возвращался с работы домой в совершенно пустом трамвае. Кроме него был еще один пассажир, огромный верзила, который стоял на задней площадке и курил. Кондуктор, молодая девушка, сделала ему замечание, что в трамвае не курят. Он это замечание пропустил мимо ушей.

– Молодой человек, я вам говорю, в трамвае не курят!

Тот ее послал куда подальше. Маленький, щупленький Игорь Дзахов взорвался:

– Послушай, обормот, ты как с женщиной разговариваешь, скотина?!

– Да пошел ты на... – процедил тот, не выпуская сигареты изо рта. И тогда Игорь Дзахов, который был ему по грудь, подскочил и буквально вбил сигарету в его поганую глотку. Тот опешил от такой наглости, а потом взревел, как взбесившийся носорог. Неизвестно, что было бы с Игорем, но тут на остановке в трамвай вскочил Борис Дзотиев, заслуженный

мастер спорта по вольной борьбе. Совместными усилиями они вышвырнули уже на ходу этого мерзавца на мостовую. Стряхнули с рук невидимую грязь, глубоко вздохнули с облегчением и... закурили.

Христоносцы

Я буквально с легкой [и главное, чистой! чистой! – прим. ред.] руки КГБ с шумом и треском ворвался в телевидение. До этого я и телевизор смотрел редко, да и в мыслях ничего подобного не было. Работал технологом в кузнечном цехе, а все свободное время отдавал альпинизму. Да и как было им не увлечься, если во Владикавказе, там, где кончается центральный проспект, начинаются горы. Меня всегда мучила совесть, что те невообразимые красоты, которые открывались перед нами во время покорения вершины, недоступны простым смертным. И поэтому, как только появились в продаже первые образцы бытовой кинокамеры «Киев» с кассетой на три минуты, я тут же приобрел ее. И стал снимать и устраивать коллективные просмотры в нашем местном альпклубе. Однажды в 1962 году, в общежитии, где я жил, раздался телефонный звонок. Дежурная пригласила меня к телефону.

– Товарищ Визильтер?

– Да.

– Это вас беспокоят из Комитета госбезопасности.

У меня тут же сердце в пятки ушло. Не забывайте, это был 1962 год. Хоть и оттепель, но с заморозками. Стал лихорадочно вспоминать, где я мог наследить: сболтнул что-нибудь или анекдот какой политический рассказал.

– Вилен Семенович, вы не могли бы к нам прийти завтра прямо с утра, к девяти часам?

И тут меня будто бес за язык потянул.

– С вещами?

На другом конце провода человек расхохотался.

– Я всегда считал альпинистов смелыми людьми. Но оказывается, у вас и с чувством юмора все в порядке. Итак, завтра в девять утра. Дежурный вас проведет ко мне.

На следующее утро в назначенное время я был на центральной площади. Это была любопытная площадь. Здесь тоже с чувством юмора все было в порядке. На одной стороне площади помещались погранучилище и КГБ, на другой – обком партии, на третьей – МВД. А площадь называлась «Площадь Свободы». Одним словом, куда ни повернись – «Век свободы не видать».

Вхожу с дрожью в коленках. Дежурный молча провел в кабинет на втором этаже. Навстречу мне поднялся молодой, симпатичный человек с обаятельной улыбкой. Представился. Полковник П. Чуть-чуть отлегло от сердца. Государственным преступникам так не улыбаются.

– Присаживайтесь. Хотите чаю, с лимоном, без?

Ну, думаю, раз предлагают чай, да еще с лимоном, значит, мои дела не так уж плохи. Принесли нам чай с лимоном в граненых стаканах и в мельхиоровых подстаканниках.

– Вилен Семенович, вы извините, что мы вас побеспокоили, но нам нужна ваша помощь.

Тут уж я совсем успокоился.

– Мы знаем, что вы занимаетесь кинолюбительством и у вас это неплохо получается. Видите ли, здесь есть одна полуподпольная изуверская секта. Они действуют на грани дозволенного, но закон формально не нарушают. И их невозможно привлечь к ответственности. Но вот показать изуверский характер этой секты на всю республику можно и нужно. И мы хотим это сделать с вашей помощью.

– С моей? – удивляюсь я. – Но я полный профан в этих вопросах. Я в институте изучал металлургию, которая ничего общего с религией не имеет.

– Зато вы умеете снимать.

– Но я снимаю только горы.

– Не скромничайте. У вас есть колоритные жанровые зарисовки людей в экстремальных условиях. А здесь как раз условия экстремальные. Вы же ведь по натуре авантюрист, насколько нам известно. Недавно на уши поставили все ваше альпинистское сообщество.

Надо же, все знают наши доблестные органы. Действительно, не так давно, в пятницу, без разрешения начальника КСП (контрольно-спасательного пункта) в очень неблагоприятную погоду мы ушли на восхождение на Куро, одну из вершин в районе Казбеги, и попали в жуткий камнепад. Пришлось изменить маршрут, и к понедельнику мы не вернулись в город. Тут же на наши поиски бросили спасотряд во главе с заслуженным мастером спорта по альпинизму, чемпионом

Советского Союза по горноспасательным работам Борисом Рязским. Так как мы изменили маршрут, они нас не нашли. Но мы сами во вторник благополучно вернулись в город. Ну и досталось мне тогда от руководства альпинистского сообщества. Мое счастье, что никто не пострадал. Отделался легким испугом. По этому поводу невольно вспоминаются строки моего любимого поэта Павла Когана.

Авантюристы, мы искали подвиг,
Мечтатели, мы грезили боями.
А век велел – «На выгребные ямы!»
А век командовал: «В шеренгу по два!»

– И какова моя роль в предлагаемой аванюре?

– Мы вас внедрим в эту секту. Снабдим необходимой техникой. Ваша задача только снимать. И дальше из отснятого материала сделать фильм и показать на всю республику.

– Но они наверняка собираются в темных помещениях, без света. Как снимать?

– А это уже не ваша забота. У вас будет высокочувствительная киноплёнка.

Внедрили меня в эту секту. Руководителем там был молодой парень, Вениамин М., мой ровесник, 24 лет. Там, как в партии, был шестимесячный испытательный срок. В течение этого времени я имел право задавать вопросы и спорить с учителем. Но спорить с ним было бесполезно. Он обладал какой-то железной, невероятно убедительной логикой на бы-

товом уровне. Ну, к примеру, я ему говорил: «Вениамин, ты страстно и убедительно отстаиваешь бытие твоего Бога. Но у официального православия – другой Бог. Более того, у христиан – свой Бог, у мусульман – свой, у иудеев – свой, у буддистов – свой. Но ведь Бог един. Чей же Бог истинный?»

Мне казалось, что я его поставил в тупик. Ничего подобного. Вениамин положил меня на обе лопатки.

– Скажи, когда умер Маркс?

– В конце девятнадцатого века.

– Вот видишь, еще ста лет не прошло со смерти Маркса, а у нас свой Маркс, у европейских социал-демократов – свой, у китайцев – свой. А здесь тысячелетия прошли с момента распятия и воскрешения Христа. Истина затерялась в толще веков. Вот мы и занимаемся поисками истины путем аскезы, умерщвления плоти и возрождения духа.

Спорить с ним было бесполезно. Можно было лишь делать упор на слишком суровые службы. Исключения не делались даже для детей. Взрослые – ладно. Это их выбор. А детей было жалко. Через несколько месяцев материала собралось достаточно. И фильм, который я назвал «Христоносцы», выдали в эфир, как теперь говорят, в прайм-тайм. Успех был оглушительный. За тридцать минут я стал знаменит на всю республику. Все меня поздравляли с успешным дебютом. Зазвонил телефон. Просят автора. «Иди принимай поздравление от телезрителей», – говорят мне мои новые друзья-телевизионщики. Беру трубку.

– Вы автор этой программы?

– Я автор! – отвечаю я гордо.

– Так вот, учти, гад, вторая твоя дерьмовая передача будет для тебя последней!

И повесил трубку. Эти слова подействовали на меня как ушат холодной воды. Только что был на вершине Олимпа – и вот барахтаюсь в преисподней ненависти и злобы. Так получилось, что эта первая программа чуть не оказалась последней. Я вдруг стал ощущать, что за мной кто-то следит, следит упорно и злобно. Я это стал ощущать затылком. Днем еще ничего. А вот иду вечером домой и чувствую затылком нечто упорный злобный взгляд. Оглядываюсь – никого. Рассказываю друзьям. Они это объяснили моей чрезмерной впечатлительностью. Мол, на меня так подействовал тот телефонный звонок, что это уже превратилось в манию. «Забудь об этом, как о кошмарном сне». И вот как-то ночью, возвращаясь из очередного дружеского застолья, я вновь почувствовал на затылке почти физически осязаемый взгляд. Никого вокруг. Я был один на ночной улице. Метров за сто до общежития ощущение страха стало таким невыносимым, что я бросился бежать. Наверно, так быстро я еще никогда не бежал. Влетаю в общагу, плотно закрываю за собой дверь и слышу глухой стук. Любопытство пересилило страх. Открываю дверь – в ней торчит нож. Может быть, таким радикальным способом решили запугать слишком ретивого журналиста.

Уже впоследствии, когда я проживал в Москве, мои дру-

зья сообщили, что было дерзкое покушение на полковника П., с чьей легкой руки я круто изменил свой жизненный маршрут и буквально ворвался в телевидение. Он ужинал дома, на кухне. Вдруг звякнуло стекло, и над его головой просвистела пуля. Он вскочил, и вторая пуля попала в висок. Как психологически точно все было рассчитано. Когда он сидел, он был недосягаем для киллера. А вот когда вскочил, оказался на мушке. Тут же оцепили весь квартал. Определили, откуда был произведен выстрел. С противоположного дома. С квартиры, хозяин которой уже полгода находился на заработках в Норильске, а квартира – под наблюдением вневедомственной охраны. Полковника П. чудом спасли. Пуля прошла на волосок от жизненно важных органов. Вполне возможно, что покушение было совсем по другим делам. Может быть, так совпало. Но ведь совпало. Так что и в те времена на Северном Кавказе не было мира и благодати. Внешне – все спокойно. А под тоненькой коркой спекшегося спокойствия бурлил вулкан ненависти.

Шуткам не учат в наших лагерях

Пожалуй, Кавказ – особая территория России. Добро и зло здесь соединялись в крутом замесе. Справедливости ради нужно сказать, что на моем кавказском крутом маршруте больше встречалось хороших людей. Так, во время траверса ледника в Дигории мой ингушский друг Эмран Батукаев, рискуя собственной жизнью, держал меня на ледовой стене, когда я сорвался и пролетел сто метров в свободном падении. Его крюк в любой момент мог выскочить из ледовой стены, но Эмран держался до последнего, до тех пор, пока не подоспела помощь. Это было на том самом роковом леднике, под которым спустя сорок лет погибла группа Бодрова-младшего.

Спустя некоторое время после моего чудесного спасения в Дигорском ущелье я прочел опубликованное на первой полосе республиканской газеты стихотворение Иры Гуржибековой:

Горы не любят безумцев.

Они их швыряют на камни.

Сами же остаются торжественны и чисты.

Они жестоки бывают, умные великаны,

К людям хвастливым и черствым, жаждущим высоты...

Думаю, что к настоящим альпинистам это не относится. Альпинисты – особая порода людей, сильных духом и телом. Люди с червоточинкой, как правило, не выдерживают постоянных экстремальных ситуаций. Каждое восхождение – это экзамен на вшивость. И я рад, что достаточно большую часть своей жизни пребывал среди этого гордого племени покорителей высот. Может быть, если бы не это, мне бы впоследствии не удалось преодолеть столько препятствий, которыми меня экзаменовала жизнь. Сломался бы еще в самом начале. К счастью, на моем достаточно тернистом пути встречалось много достойных людей, таких, как Эмран Батукаев, да и обычные простые люди, имена которых я уже не помню. Так, не забудется никогда бескорыстная помощь простых чеченцев. Во время одного из зимних восхождений, уже во время спуска, вдруг неожиданно налетела пурга, жуткая метель. И в этой кромешной тьме мы сбились с пути. Уже за полночь вышли к селению Нижний Алкун и, буквально околелшие от холода, замерзшие и обессиленные, постучались в первый попавшийся дом. Хозяева нас согрели, накормили, напоили чаем, уложили спать. А нас было как-никак восемь человек. Утром накормили завтраком, показали дорогу, и мы благополучно вернулись домой. Ведь если бы не их бескорыстное гостеприимство, радушие, мы бы так и подошли бы где-нибудь в эту жуткую пургу. Разве такое забывается?

Я до сих пор, хотя прошло уже почти полвека, с боль-

шой теплотой вспоминаю друзей моей юности: журналистов Иру Гуржибекову, Аду Томаеву, Володю Цалагова, Володю Еликоева; моих друзей-альпинистов Бориса Ряжского, Риту Гамалею, Володю Шанаева, Ростика Абдураманова. Ростик удивительно красиво преодолевал скальные участки маршрута. Его кошачьей грацией нельзя было не восхищаться. А в Риту было влюблено все мужское население альплагеря Адыл-Су. Помню, с какой радостью я нес ее рюкзак при восхождении на Ушбу. Последняя ночь на Джан-Тугане у подножия Ушбинского ледника. Здесь у прощального костра я впервые услышал «Последний троллейбус» Окуджавы. На следующий день, на Ушбинском леднике, мы, вспомогательная группа, остались, а штурмовая во главе с Борисом Ряжским, куда входила и королева Адыл-Су Рита Шевченко (впоследствии Гамалея), ушла на штурм и победила грозную двурогую Ушбу, среди покорителей которой мертвецов больше, чем живых. Как мы переживали все перипетии траверса Ушбы нашими ребятами и как мы им завидовали после триумфального возвращения! А как можно забыть встречу со знаменитым альпинистом Кахиани, Визбором и Адой Якушевой! Мы успешно проделали траверс Сказского ледника и спустились в Домбайское ущелье. У меня до сих пор хранится фотография этого траверса, с моей обледеневшей физиономией и подписью: «Ну что за прелесть этот Сказский!» Спускаясь в Домбай, мы предвкушали, как сейчас отдохнем в столетней хижине у подножия ледника. Каково

же было наше изумление, когда мы открыли дверь, а там – дым коромыслом. На полатях сидел с гитарой в руках, обнаженный до пояса голубоглазый скандинавский бог. Это был Визбор. А рядом с ним – красавица Ада Якушева. С Адой я встретился много лет спустя на радиостанции «Юность». Ада Якушева, к тому времени уже маститый бард и журналист, тут же взяла под крыло начинающего автора. Никому не давала меня в обиду. У нее я получил первые уроки мастерства. Впрочем, это не совсем верно. Все-таки первые важные уроки я получил у Иры Гуржибековой. Но это было в газете. А на радио – Ада Якушева и Роза Панкратова. Помню, когда работал в молодежной редакции Казахского радио, Роза Ивановна заводила меня в свой кабинет, усаживала за письменный стол и говорила: «Вот тебе стопка чистой бумаги. Пиши, что хочешь. Но когда я приду через два-три часа, чтобы все было готово». Уходила и запирала дверь на ключ. Это удивительное состояние начала творчества трудно передать. Полная свобода, и все начинаю с чистого листа. Я уносился на крыльях воображения бог знает куда. Здесь воображение работало с максимальной нагрузкой. И, как правило, эти радионовеллы, рожденные свободой воображения, были лучшими моими вещами. Так получилось, что все мои учителя в журналистике были женщины. Ира Гуржибекова в газете, Ада Якушева и Роза Панкратова на радио и Маргарита Александровна Эскина на телевидении. В шестидесятые годы она была зам. главного редактора Молодежной редакции

ЦТ. Главным редактором был Валерий Александрович Иванов, образованный, интеллигентный профессионал. Но все-таки вся жизнь в редакции вертелась вокруг Эскиной. Она не делала разницы между штатными и внештатными сотрудниками. Молодая, красивая, остроумная, очень требовательная, но добрая. Часто за чашкой ароматного чая вокруг нее собиралась молодая поросль. Вокруг нее была аура доброжелательности и творчества. Думаю, это могут подтвердить и ныне здравствующие Анатолий Лысенко, Олег Корвяков, Галя Ульянова, Игорь Романовский и много других, прошедших школу общения с королевой Марго. Такие люди не часто встречались на моем пути. Поэтому и запомнились.

Но пора вернуться в хижину самого начала 60-х в Домбайском ущелье.

Там я впервые увидел рядом с уже известными бардами совсем еще молодого, кареглазого, с гривой совершенно седых волос, легендарного впоследствии «Тигра снегов» Кахиани. Во время покорения, если не ошибаюсь, Шхельды в него попала шаровая молния. В Адыл-Су стоял большой стеклянный аквариум. А внутри – альпинистский костюм Кахиани. Брюки и штормовка расползлись на тонкие длинные лоскутья. А рядом – развороченные, отреконенные металлом альпинистские ботинки. Тогда каким-то чудом медикам удалось его спасти. Он часто играл со смертью в кошки-мышки. И она его настигла в Альпах, уже после покорения Эвереста. Там, в Адыл-Су, мне посчастливилось встречаться с

Героём Советского Союза, заслуженным мастером спорта по альпинизму Евгением Ивановым. Он был из горстки тех героев-альпинистов, которые приняли неравный, смертельный бой с отборной горнострелковой дивизией «Эдельвейс».

Так что мы не замыкались в своем узком кругу. В то время в Орджоникидзе, нынешнем Владикавказе, был дислоцирован горнострелковый полк. И все альпинисты Северной Осетии два раза в год, зимой и летом, участвовали в горных учениях подразделений горнострелкового полка: проводили с солдатами скальные занятия, ледовые, совершали восхождения на Казбек и близлежащие вершины. Для этого военкомат отзывал нас с мест нашей работы на горные сборы с сохранением заработной платы. Не случайно в нашем альпинистском гимне были такие пророческие слова:

Шуткам не учат в наших лагерях.
Многим придется воевать в горах.
Вместо ледоруба возьмешь ты автомат
И, словно на страховке, прижмешь его приклад.

Куда все это подевалось, когда началась война в Чечне? Как растворился этот полк, который денно и ночью тренировали для войны в горных условиях?

Странно, но мы тогда, за тридцать лет до чеченской войны, каким-то шестым или седьмым чувством ощущали будущие трагические события. Среди моих друзей-альпинистов были люди из самых разных краев России. Их рассказы бу-

дили воображение, звали в дорогу. Есть у Александра Грина в одной из его феерий фраза, которая тоже застряла в памяти: «Несбывшееся зовет нас». В молодости жизнь воспринимается особенно драматически. «Господи, двадцать четыре года, и ничего не сделано для бессмертия!» А там, за горами, – беспредельный горизонт.

Последним толчком для усиления моей тяги к перемене мест послужила «буря в стакане воды». Как сказал впоследствии один мой спаситель, тоже очень хороший человек, которые, к счастью, нередко встречались на моем пути: «Надо внимательно следить за прогнозом погоды».

Прогноз погоды

Как-то наш великий вождь и учитель товарищ Сталин в пылу критических нравоучений бросил очередной клич: «Нам нужны наши Гоголи и Щедрины». И тут же какой-то зубоскал из «Крокодила», тогдашнего сатирического журнала, откликнулся на призыв вождя: «Нам нужны, но помягче Щедрины, и такие Гоголи, чтобы нас не трогали». Говорят, что он потом писал в гулаговскую стенгазету в одном из лагерей. Нечто подобное случилось со мной на заре так и не состоявшейся «политически серьезной» карьеры, правда, без таких серьезных последствий. Мы в пылу юношеского романтизма и инфантилизма резвились, не замечая, что политическая оттепель, наступившая после XX съезда КПСС, сменилась первыми заморозками. Вот на льдинке этого заморозка я и поскользнулся. В начале 60-х годов прошлого столетия меня, как сознательного молодого рабочего кузнечного цеха вагоноремонтного завода, избрали в бюро горкома комсомола и, естественно, приняли кандидатом в члены КПСС. В горкоме мне, как представителю рабочего класса, поручили руководить советом творческой молодежи города Орджоникидзе. Работа была безумно интересная. Вокруг меня забурлила энергия сплошь будущих гениев: художников, артистов, журналистов, писателей и поэтов и просто случайных энтузиастов. Собирались мы в здании рес-

публиканской библиотеки, куда – по преданию – захаживали еще Пушкин и Лермонтов. Их молодой непокорный дух витал над нами. Однажды, это было ранней весной 1964 года с зимними заморозками, спеша на одну из наших встреч, я обратил внимание на выставку произведений осетинских поэтов и писателей. На стенде выделялись две книги Тимофея Е., кстати, секретаря парторганизации Союза писателей Северной Осетии. Это были повесть «Лавина» о революционных событиях в республике, и поэтический сборник «Ливень». Я в порыве невинного хулиганства взял их с собой на встречу. Не помню уже, о чем шла жаркая дискуссия, но я на полном серьезе стал читать стихи этого поэта. Хохот стоял невообразимый. Наверно, на конкурсе на самое плохое стихотворение эти стишата заняли бы по праву первое место. Этакая «поэтическая» исповедь номенклатурного графомана. И в заключение в духе и стиле прочитанного я выдал свой экспромт:

Е. Тимофей,
Ах ты наш соловей.
Кует и кует словесный булат,
Да все без шипов, сплошные розы.
И жидкий «Ливень» бездарных стишат
Сменяет «Лавина» такой же прозы.

В то время бытовал такой анекдот. Каждый американский гонщик знает, что из десяти гонок, в которых он участвует, в

одной он обязательно разобьется. Но это его не останавливает. Каждый француз знает, что из десяти женщин, с которыми он переспит, одна обязательно его наградит кое-чем. Но это его не останавливает. Каждый русский знает, что из десяти его друзей один обязательно стукач. Но это его не останавливает. Так и произошло. Уже на следующий день меня вызвали к секретарю горкома партии по идеологии.

– Как вы смели поливать грязью уважаемого человека в республике?!

– Я не поливал грязью. Я как читатель критиковал писателя и поэта. Разве я не имею права?

– Как отдельно взятый читатель, имеете право. Но в данном конкретном случае вы выступали как член бюро горкома комсомола, у которого, как мне известно, на этот счет совсем другое мнение. У вас кандидатский стаж заканчивается? Готовьтесь к отчету на бюро горкома партии.

Чем заканчивались такие разборки на бюро, мне было хорошо известно. Обидно. Подстрелили на самом взлете политической карьеры. Спас меня от расправы приехавший к нам в республику представитель ЦК ВЛКСМ Владислав Муштаев. Что он там говорил секретарю горкома, неизвестно, но меня оставили в покое. «Старик, – сказал он мне перед отъездом, – ты хоть радио слушаешь, телевизор смотришь?» – «Конечно!» – ответил я. «И что в первую очередь?» – «Новости, молодежные программы». «В первую очередь надо слушать прогноз погоды, чтобы во всеоружии встретить зав-

трашный день. А то ведь сдуру попадешь под дождь, промокнешь, простудишься и заболеешь; или не дай бог, гололед, поскользнешься, как сейчас, на случайной льдинке, и пиши пропало». Увы, я не прислушался к хорошему совету, и сколько раз сдуру нарывался на гололед, ну прямо как в одноименной песне Высоцкого. А с Владиславом Павловичем Муштаевым много лет спустя мы долго и плодотворно сотрудничали в Главной редакции научно-популярных и образовательных программ Центрального телевидения. Вот ведь какие бывают зигзаги судьбы. В результате этого зигзага я оказался далеко от Владикавказа, в Москве на факультете журналистики МГУ, куда попал совершенно случайно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.